

Александр Грин

Синий каскад Теллури

Александр Грин
Синий каскад Теллури

«Public Domain»

1912

Грин А. С.

Синий каскад Теллури / А. С. Грин — «Public Domain», 1912

«Рег соскочил с лошади. Впереди, у темных барачков, слышался мерный топот солдатских шеренг. На мгновение все стихло, затем хриплый голос прокричал что-то стремительное, жесткий треск барабана ответил ему резвой дробью. В промежутке между барабаном и голосом Рег бросил взгляд на прозрачную мглу залива. Гаснущий круг солнца освещал линию горизонта. Заиграли горнисты...»

Содержание

I. Вечерняя тишина	5
II. Бакалея Соррона	7
III. Местность оригинальной прелести	11
IV. Выдержка с пасьянсом	15
V. Изотта	19
VI. Судьба Теллури	24

Александр Степанович Грин

Синий каскад Теллури

I. Вечерняя тишина

Рег соскочил с лошади. Впереди, у темных бараков, слышался мерный топот солдатских шеренг. На мгновение все стихло, затем хриплый голос прокричал что-то стремительное, жесткий треск барабана ответил ему резвой дробью. В промежутке между барабаном и голосом Рег бросил взгляд на прозрачную мглу залива. Гаснущий круг солнца освещал линию горизонта. Заиграли горнисты.

От первых звуков металлической мелодии бесстрастных, как тишина вечера, рожков лошадь Рега вздрогнула и попятилась. Он машинально гладил ее вспотевшую спину; проехать было нельзя; дорога, занятая солдатами, беспокойно звала его одолеть последние сотни шагов и встать лицом к цели.

Измученный бессонной ночью, проведенной на лошади, Рег слушал игру горнистов. Это была странная поэзия солдатского дня, элегия оставленных деревень, меланхолия хорошо вычищенных штыков. Последний раз ударили барабаны, и к Регу подошел офицер.

– Добрый вечер, – сказал он, чиркая спичкой, чтобы одновременно закурить сигару и осветить лицо проезжего. – Хотите держать пари?

– На что? – спросил Рег.

Офицер показался ему назойливым: он раскуривал сигару у самых колен Рега, вяло подбоченившись и поплеывая на пальцы.

– Вы хотите проехать в город, – продолжал офицер, – что значит для вас денежный риск? Я предлагаю пари за вашу смерть в продолжение трех недель. Идет? Два против одного?

– Мне некогда, – холодно возразил Рег, натягивая поводья. – Поищите кого-нибудь попредприимчивее.

– Вы обиделись, может быть... – Офицер щелкнул пальцами. – Это теперь в ходу даже среди дам. Как хотите. Дорога освободилась.

Рег покачал головой, отъехал и оглянулся. Маленький огонек сигары чертил за его спиной размашистые зигзаги. Лошадь пошла крупной усталой рысью. Потянулись дома, кое-где щели ставен теплились глухим светом; безлюдье делалось утомительным; слабый ночной ветер относил за городскую черту запах карболовой кислоты и отцветающих померанцев.

На повороте одной из улиц всадник бессознательно остановился, изумленный отчетливой тишиной города. Слева зиял переулок, изборожденный полустертыми каменными ступенями; крик страха раздался в дальнем его конце, затрепетал и перешел в пронзительно-высокую ноту женского голоса – выразительный вопль насилия или безумия, вслед за которым неизбежно ожидалось беспорядочной человеческой толпы, стремящейся из домов на помощь. Лошадь зафыркала, косясь в темноту. Рег насторожился, прислушался и поскакал прочь. Крик преследовал его за углом и дальше, то усиливаясь, то ослабевая; расстояние не спасало Рега от цепкой муки неизвестного человека. Был момент, когда Рег хотел повернуть обратно, но пожалел времени.

– Так, так, – сказал он самому себе, – прямая дорога труднее.

Растрепанный силуэт медленно идущего человека остановился посередине улицы и протянул руки. Путешественник с силой удержал лошадь, без возмущения и удивления, – действительность начинала терять для него свою логическую связь.

– Пойдите-ка, – сказал неизвестный, – вы едете на своем жарком.

– Я тороплюсь.

– Не торопитесь.

– Что вы хотите?

– Отнять у вас пять минут. Не трогайтесь с места, или я плюну вам в грудь. Я заражен.

Рег инстинктивно согнулся, его внимание ушло целиком на этот нелепый силуэт с чумным плевком во рту. Человек, утомленно передвигая ноги, подошел ближе; лицо его невозможно было разглядеть, в темноте оно казалось то молодым, то старым. Он задышался.

– Вы едете на своем жарком. Когда ваша лошадь обнажит свои ребра от голодухи, вы ее скушаете. Советую кормить животное хорошенько, потому что бифштекс может оскандальиться.

– Любезный, – сказал проезжий, – вы умираете, а я жив и даже еще не болен. Пропустите меня, пожалуйста.

Силуэт поднял обе руки к лицу, сложив их как для молитвы в крепком сцеплении пальцев, и потряс ими в воздухе.

– Я – парусник¹, – прошипел он, – я очень прошу вас запомнить, что фирма «Кропет и компания» за сорок лет своей грабительской деятельности не видела более искусного мастера, чем я. Запишите, пожалуйста, на бумажке: Илия Денсон, парусник, сорока шесть лет, околевает на улице. Это я.

Он, видимо, почувствовал головокружение, потому что сел на мостовую, обнял колени руками, хрипло заплакал и склонился к земле. Рег отъехал в сторону; агонирующее тело медленно пошевелялось перед ним, темное, на черной мостовой, в пыли и безмолвии.

– Умираю! – подползло к лошадиным копытам.

– Спокойной смерти! – Рег снял шляпу, дернул повод, и Денсон остался у него за спиной. Крыши, сосредоточенные газовые фонари, говор копыт, – все это, слишком обыденное вчера, лежало теперь в области страха. Страх мчался бок о бок с Регом, нога в ногу с копытами его лошади. Рег чувствовал его, но только не внутри, а вовне, он проезжал город с холодным уважением к обреченному узлу жизни; последнее, что могла дать его душа, слишком нетерпеливая для того, чтобы сострадать или бояться. Впрочем, подъезжая к городской черте, он ожидал худшего: сплошного гниения и содома; до сих пор ожидания эти казались преувеличенными.

На углу двух больших улиц Рег замедлил ход лошади и осмотрелся. Ему нужен был живой человек для справки о другом, тоже, может быть, живом человеке. Прождав несколько времени, он переехал небольшую площадь и облегченно вздохнул: в самом конце ее, у спуска к докам, из окон нижнего этажа громоздкого каменного дома падал на мостовую щедрый свет ламп. Этот уголок площади, по сравнению с остальным ее сонным пространством, выглядел уютно и живо.

Подъехав ближе, Рег по выставке окон, где были расположены в известном порядке стеклянные вазы с кофе и серым цветочным чаем, понял, что это большой, даже солидный магазин. Его двери, окованные стальными листами, были не заперты, а прикрыты; замки отсутствовали; довольно большая щель пропускала неясный шум. Рег спешил, привязал повод к решетке окна и стукнул кулаком в дверь. Шум внутри стих, – кто-то закричал изо всех сил: «Войдите!» – и хлопнул в ладоши.

Путешественник оттолкнул массивную дверь и остановился, смущенный большим количеством людей, сидевших во всевозможных позах на прилавке, корзинах с фруктами и на полу. Оглушительный рев приветствовал его появление; выгаращенные, мутные глаза, потные лбы и полтора десятка круглых от крика ртов заставили Рега отступить назад. Крик усилился до того, что задребезжали стекла висячих ламп. Невозможно было разобрать, в чем дело, но бледные искривленные физиономии людей этой толпы ярко напомнили Регу парусника Илию Денсона и офицера, выигрывающего у смерти.

---

¹ Парусник – здесь: парусных дел мастер.

II. Бакалея Соррона

То, что успел рассмотреть Рег, прежде чем попал в плен к неизвестным людям, находившимся в магазине, поразило его сумбуром, не лишенным, однако, некоторой таинственности. Сводчатый потолок сиял огнем ламп; на полках, в углах и оконных нишах громоздились товары, но порядок их был чем-то нарушен, словно здесь хозяйничали торопливые воры. Между прилавком и автоматической кассой помещался низкий большой стол или, вернее, мостки, наскоро сооруженные из пустых деревянных ящиков; стол сплошь был завален раскупоренными жестянками с соусами, окороками, изюмом в белых полотняных мешочках, консервами, баллонами с привозным вареньем, пряностями и сладостями; все это, полураздавленное и разорванное прямо пальцами, походило на ужин голодных людоедов, разгромивших торговлю. Винные бутылки, группами и отдельно, стояли во всех концах помоста. Четыре женщины, опухшие от бессонницы и вина, сидели на корзинах с гранатами; нетрезвые движения их сопровождалось одобрителем хриплым криком. Всего было человек двенадцать или пятнадцать, у всех блестели глаза.

– Что это значит? – спросил Рег, останавливаясь у двери. – Разве я вымазан сажей или кажусь вам очень смешным?

Раскаты смеха взбесили его; он побледнел, но сдержался. Жирный человек без сюртука, в вязаном красном жилете, вплотную подошел к Регу, добродушно расставив руки.

– Чему вы удивляетесь, почтеннейший? – с пьяным лукавством сказал он. – Здесь только свои. Располагайтесь. Мы вас не знаем, но, как видите, доверяем вашей признательности за возможность хорошо провести вечер. Доверьтесь и вы. Впрочем, что вас долго томить: мы вам салютовали и производили бурный шум потому, что вы четырнадцатый.

– Четырнадцатый? – повторил Рег, плотно стиснутый у косяка ожерельем из красных и бледных лиц. – Но я желал бы быть пятнадцатым или нулем. У меня болят уши.

– Это пустяки, – возразил красный жилет. – Имейте терпение. Нас было тринадцать. Число это опасно, так как собравшиеся не могут забыть свое количество. Это отражается на состоянии души. Мы ждали четырнадцатого. Ваш приход разрушил противоестественную арифметику. Тринадцать выдумали наложники сатаны и люди, бледнеющие при виде задремавшего таракана. Садитесь здесь с нами, пейте, и кричите, и пойте, пока не рассыплетесь в пух, прах, перья и еще другие мелкие предметы!

Рег улыбнулся. Человек в красном жилете был широкогруд и кругл; на могучих его плечах сидела распухшая голова ребенка с дряблыми веками. Пухлый рот напоминал большую сургучную печать. Он говорил без запинки, тонким благочестивым голосом.

– Я хочу узнать, – сказал Рег, – жив ли и где находится доктор Глед? Я приехал для этого. Если вы знаете его адрес, то скажите. Я тороплюсь.

– Вы приехали? – унылым голосом спросил франт с помятым лицом женщины.

– То есть вы сами, добровольно приехали сюда?

– Сам. А что?

Франт пожал плечами и засмеялся.

– Вы можете умереть здесь, – пояснил он, – потому что отсюда не выезжают. Мне жаль вас.

– Благодарю, – сказал Рег, – но мне более жаль вас, чем себя. Я выеду.

– Не слушайте его! – закричал человек в красном жилете. – Приезжайте, уезжайте сколько хотите. Ваши дела нас не касаются. Глед? Я не знаю Гледа, но знаю Фейта. Фейт – сам доктор, молодой человек. Его здесь нет, но он непременно будет и даст вам все нужные сведения. Фейт молодчина: знаете, он сбежал из больницы. Я не хочу, говорит Фейт, понимаете? Я, говорит, – доктор, но лечить не обязан. Кто прав? Мы оставили этот вопрос открытым. Я – Соррон, Сор-

рон тысячу раз, хозяин; магазин этот мой и гости мои. Я свихнулся и безобразничаю. Моя племянница умерла вчера, это была премилая девушка. Не смущайтесь беспорядком; я торговал сорок лет, и мне надоел порядок, надоел порядок, надоел окончательно и бесповоротно. Я одинок. Все одиноки. Я умру. Все умрут. Тоже порядок, но скверного качества. Я хочу беспорядка. Хочу есть горчицу с компотом, пить прованское масло с ликером, вымазать щеки соусом, грызть окорок зубами и плевать в лампу. Это божественное в человеке. Какая прелесть! Не нужно приборов, ножей и вилок, салфеток и десертных тарелок, – ломайте зубы и пальцы, ешьте, и трам-тарарам! Четыре женщины! Вон та, темненькая, была недурна три года назад, но много возлюбила и за это наказана. Не обращайтесь внимания! Соррон веселится в пределах своего магазина. Садитесь! Фейт? – Он придет, говорю я вам. Сядьте!

Толпа, окружившая Рега, хлынула вместе с ним к помосту, и бутылки замелькали в воздухе. Рег сел на первую попавшуюся корзину; о нем сейчас же забыли. Каждый говорил, не слушая других, но воображая, что на нем сосредоточено исключительное внимание. Две женщины, обнявшись и ругая друг друга, пели двусмысленные куплеты. Грустный мулат объяснял отставному полковнику преимущество двойного удара в подбородок. Франт возбужденно говорил всем о тягости жизни, сопровождаемой бесчисленными смертями; по его словам, это действует на пищеварение.

Рег молча следил, пораженный, по-видимому, действительно приятным состоянием духа каждого из собравшихся; едва уловимый, капризный тон голосов и жестов производил странное впечатление. Так вели бы себя миллионеры, вынужденные кутить в сельском кабаке; позы и лица носили высокомерный оттенок. Он посмотрел на часы, решил до десяти ожидать Фейта, налил в пустую жестянку из-под монпансье чего-то спиртного и выпил. Соррон встал, опираясь маленькими веснушчатыми руками о край стола.

– Произношу тост, – заявил он, – я говорю. Что происходит в городе? В конце концов мы померем. К этой мысли привыкли. Это не торпеда, не удар по голове и не оскорбление. С этим освоились. У меня путаются в голове три вещи: жизнь, смерть и любовь – за что выпить? По логике вещей я должен выпить за смерть. А впрочем...

Он лизнул пальцы, щелкнул ими над головой полковника, а Регу на мгновение показалось, что это обмусленная рука ничтожества перелистывает Великую Книгу.

– Впрочем, – продолжал Соррон, – я буду оригинален. Пью за ожидание смерти, называемое жизнью; может быть, это тонко для вас. Кроме того, мы имеем все причины жаловаться. Наступил голод, рабочие и негры осаждают торгующих, требуя дешевых цен; торговля в убыток; лучше не торговать совсем. Я так и сделал. Я ликвидирую. Кричите, делайте шум, кричите!

Он закричал сам, и полтора десятка вспотевших от напряжения людей ответили ему яростным воем, стуча ногами и кулаками. Над столом поднялись седые усы полковника.

– Я пью, – сказал он, небрежным жестом обращаясь ко всему обществу, – за белые волосенки моей дочери. В следующем месяце ей было бы одиннадцать лет. Она – сто двадцать шестая или первая в этом счете. Еще одно маленькое примечание: сегодня умерло четыреста семьдесят два человека, из них сто двадцать шесть белых.

Он взмахнул стаканом и раскланялся, в глубоком молчании остальных. Лицо его должно было оставаться все тем же пьяным и вежливым.

Взбешенный кощунством пьяного идиота, Рег встал, желая что-то сказать, еще темное для себя, но в этот момент грянул пухлый удар выстрела, с верхней полки, играя разноцветным блеском, полетели, звеня, осколки чайной посуды. Женщины завизжали. Рег успел заметить в облаке порохового дыма кофейную руку, вторично поднимающую револьвер; мулат облюбовал красивую фаянсовую вазу с печеньем, прицелился, нажал спуск, и белые сухие лепешки, шелестя, посыпались из разлетевшегося сосуда.

– Что вы делаете? – закричал Соррон.

– Очень смешно. – Мулат хихикал. – Я могу еще выстрелить, у меня глаз верный.

Апельсин, пущенный с другого конца помоста, ударил его в нос. Мулат дернул головой, как лошадь, остолбенел и разразился ругательствами. Второй апельсин задел его по уху; жесткие гранаты, орехи, бананы, мандарины, куски дынных корок, свистя, прорезали воздух, шлепаясь то в голову мулата, то в стену за его спиной; он завертелся, взвыл и потряс револьвером.

Оглушенный, с отвращением и досадой, Рег встал, намереваясь уйти, но в этот момент пришел Фейт, и свалка окончилась. Доктор появился с двумя собаками: шотландским сеттером и волкодавом; шум прекратился, взоры всех обратились к двери, куда повернулся и Рег.

Он увидел хорошо сложенного мужчину в белом костюме, белокурого и медленного в движениях; к его утомленному лицу с выпуклым белым лбом очень шел галстук цвета подгнивших листьев. Фейт был пьян, бледен, но среди пьяных же казался трезвее, чем прочие. Раздались крики:

– Вы очень запоздали!

– Привет ренегату!

– Привет доктору!

– Эскулап не замарал лап!

– Умирующие приветствуют тебя! – сказал фронт.

– Приветствую умирающих! – любезно ответил Фейт и сел боком на стол, ударяя хлыстиком с серебряной рукояткой по ореховой скорлупе. – Я утомлен, господа, но еще выпью с вами и побеседую. Щекотно жить на свете.

– Я хочу узнать, – сказал Рег, – жив ли и где находится доктор Глед. Не знаете ли вы, господин Фейт? Я хочу найти этого человека.

– Улица Трубадура, – ответил Фейт, скользнув по лицу Рега серыми, ласковыми глазами, – номер одиннадцатый, третий этаж направо.

К этому времени пьяная суматоха сосредоточилась вокруг женщин. Сквозь группу мужчин виднелись голые плечи; там, видимо, происходило нечто таинственное и забавное, потому что легкий напряженный смех сопровождался невнятными упрашиваниями. Некто, стоявший позади всех, судорожно тиская пальцы сложенных на спине рук, повернулся, и Рег, встретив его маниакальный, возбужденный взгляд, узнал полковника. К Фейту подошел маленький брюнет с остановившимися глазами.

– Я слышал, – сказал он требовательным и в то же время равнодушным голосом, – что вы оставили больницу.

– Да. – Фейт задумчиво осмотрел брюнета. – Вы хотите занять мое место?

– Вы – подлец, – вяло произнес черный человек и, зевая, прибавил: – и также трус.

Фейт покачал головой, рассмеялся и побледнел.

– Глупости, – сказал он. – Эпидемия мне противна. Это меньше смерти и больше ужаса. Это – нелепость. Я – доктор медицины, я могу лечить болезни, но не уничтожать нелепости. Кроме того, я слишком горд, чтобы бесполезно тратить свою жизнь на бесполезные вещи.

– Вы можете облегчить страдания, – сонно возразил собеседник, и теперь Рег заметил, что маленький человек еле держится на ногах. – Пожалейте!

– Кого? – закричал Фейт всей силой легких. Собаки, лежавшие у его ног, тревожно подняли головы. – Я не могу их жалеть, их сотни, болезнь делает их похожими друг на друга; это сходство отвратительно; они все темнеют и покрываются пятнами однообразно до одурения; это массовое стереотипное прекращение дыхания делает меня скучающим бревном; меня тошнит от него! Я работал в курортах и привык к интересной смерти. Там тоже умирают, но умирают от разных болезней. Умирают изящные дамы и девушки, хрупкие, прелестные дети, умные, испорченные, умевшие пожить мужчины, галантные даже перед концом; смерть их величественна и серьезна, она приходит к ним в объятиях вечной жизни, потому что в голубых тенях пальм и платанов, на морском берегу, лица этих людей прозрачны, таинственны и далеки от вас, как звезды, и близки вам, как ваша собственная печаль. Это – поучитель-

ная, степенная смерть. Душа ваша насыщена этим осенним благоуханием организма; смерть не страшна. Но здесь, – здесь я помотал головой и ушел: шаблон в такой области может лишить рассудка или заставить улыбаться всю жизнь.

Маленький брюнет сел, опустив руки между колен, глубокомысленно расширил глаза, сомкнул их, и голова его в тот же момент с легким храпом упала на грудь.

Ватага с топотом и ржанием отступила от женщин. Рег поднял голову; судорога отвращения перехватила его горло; остолбенев, он не мог первое мгновение дать себе отчет в нелепом и тяжком зрелище, до того было оно своеобразно и неожиданно. На полу, шагах в десяти от Рега, стоял Соррон с блаженным лицом артиста, чувствующего себя предметом восторженного внимания; четыре женщины, с покрасневшими от неестественного положения глазами, совершенно голые, были надеты на него так же, как надевают кольца на палец, этого достигли тем, что ноги каждой из них были крепко притянуты к плечам, у затылка, и укреплены полотенцами. Они лежали одна на другой; выгнутые спины причиняли им, вероятно, страдания, так как напряженные, тупые улыбки выражали скрытую боль. На голом полу, в пыли и мусоре, шевелились тощие груди нижней женщины. Соррон двигался в бочке из живых тел, раскланиваясь и прыская от смеха, – это была его выдумка.

Рег шагнул к Соррону; мгновенный гнев лишил его всякого самообладания. То, что он увидел, было личным для него оскорблением.

– Соррон, – громко, не замечая, что сразу стало тихо от первого его слова, сказал Рег, – вы меня обидели. Вы не предупредили меня. Мои глаза устроены не для этого. Вы больны чумой с детства. Я видел, вопреки моей воле, и клянусь – вы спаслись от выстрела только потому, что пьяны, как змея в банке со спиртом. Все вы должны радоваться, что скоро помрете.

Яростный лай собак, вопли негодования, болезненный визг кольцеобразных женщин дали понять Регу, что цель достигнута. Удовлетворенный, он прошел мимо мулата, засучившего рукава, открыл дверь и скрылся. Те, кто выбежал на улицу, услышали быстрый, замирающий стук подков.

III. Местность оригинальной прелести

Огонь бронзовой лампы, замаскированный красным абажуром, наполнял кабинет уютным розовым светом. Человек с тонкими губами, в очках, изжелта смуглый и быстрый в движениях, отбрасывая узкой рукой черные, падающие на лоб волосы, появился в дверях. Рег встал.

– Вы хотели видеть меня, – сказал Глед, – я к вашим услугам. Теперь немного поздно, но я в состоянии уделить вам час – это самое большее.

– Даже меньше, – проговорил Рег, усаживаясь, так как Глед сел. – Я приехал сегодня, часа три тому назад, со смутным намерением выбраться из города этой же ночью. Поэтому прошу извинить за продолжительные звонки с улицы. Перехожу к делу. Меня зовут Рег, я от Таймона, за пакетом с надписью «Теллури».

Глед положил ногу на ногу, снял очки, вытер их слегка дрогнувшими пальцами и надел снова. Имя Таймона заставило биться его сердце сильными, глухими ударами.

– Последний раз я видел Таймона полгода назад. – Глед медленно и полно вздохнул. – Он приезжал тогда из Новой колонии к Тихому океану, намереваясь основать земледельческую кооперативную общину. Да, Таймон прожил у меня два месяца. За это время он сделал открытие чрезвычайной важности, но не предавал его гласности, боясь скороспелых восторгов, вслед за которыми часто наступает разочарование.

– Вероятно, – согласился Рег, – он слишком часто разочаровывался в своих увлечениях, чтобы распространять, быть может, наивный слух. Мы с ним путешествовали. Раньше Таймон был богачом, но альтруизм расшатал его состояние. Я приехал вследствие усиленных его просьб; сам он чрезвычайно боится всяких эпидемий. Вот письмо Таймона. Я имею некоторое основание думать, что в нем говорится именно об этом открытии. Впрочем, он добавил, что вы посвятите меня в суть дела, которое, судя по его восторженным отзывам, принесет мне и ему неисчислимы выгоды.

– Пачка в синей обертке, – сказал Глед, пробегая содержание первых строк, – да, что-то похожее на это лежит сверху одного шкапа.

– Поспешный отъезд Таймона, – продолжал Рег, – когда он был у вас и оставил, конечно, по всегдашней своей рассеянности, связку этих бумаг, кажется, объяснили...

Глед стиснул пальцы. В этот отвратительный для него момент старинные подозрения, тихая, мучительная борьба, пережитая в молчаливом бешенстве ревнивой тоски, болезненно озарили память.

– ...смертью отца, – сказал Рег; волнение Гледа не укрылось от его зорких глаз, но он объяснил это простым любопытством к судьбе старого знакомого. – Отец Таймона, действительно, умер вскоре после приезда сына. Так или иначе, Таймон не говорил мне об этой связке до конца прошлой недели.

– Здесь чума... – Глед сухо улыбнулся. – Человек, выходящий из дома, может не вернуться совсем. Таймон вовремя спохватился.

– Пожалуй, – сказал Рег.

– Я помню Таймона. Должно быть, это все тот же легкомысленный, горячий и капризнейший человек на свете.

– Совершенно так. Простите, – Рег вспомнил о другом поручении и положил на стол второй, измятый за дорогу, конверт, – Таймон адресовал это вашей супруге.

В словах Рега не было ничего странного или подчеркнутого. Глед выронил первое распечатанное письмо и, нагнувшись, долго не мог поднять его. Выпрямившись, он ощутил в ногах тяжелую слабость, лицо его стало менее смуглым и как бы осунувшимся. Поборов себя, он посмотрел Регу в глаза – вежливая внимательность этого гордого, но в то же время нежного

и простого, как утреннее приветствие, лица внушала Гледу доверие. Рег был, видимо, далек от всякого подозрения.

– Благодарю вас, – сказал Глед, – но я должен...

Он встал, приставил к дубовому шкапу лесенку и стал рыться на верхней полке. Прошное опалило его, стеклянная дверь шкапа прикрывала от Рега расщепленного пополам человека, слишком надменного для объяснений и резкостей. Но Рег не знал этого. Перед глазами его мелькали уличные трупы, ночная толпа солдат, вечер Соррона. Он еще не вполне сознавал, где находится; ощущения его были ощущениями игрока.

Глед рассеянно перекидывал бумаги, из них смотрело на него молодое, с грустными глазами, лицо жены. Себя он видел отдельно, посторонним лицом. Да, он часто заставлял их гуляющими в саду. Два раза они были расстроены. Она любила слушать его болтовню. Изредка Таймон дарил ей цветы; уродливые формы этих, все же чудесных по окраске и оригинальности, орхидей она сравнивала с характером Таймона. Она искала его общества. Однажды, когда редкий туман посеребрил аллеи, Глед видел... Это могло показаться... Но голова Таймона была опущена слишком низко, его рука слишком быстро приняла прежнее положение. Это дело тумана. Туман не спрашивают. Когда Глед подошел к ним, он заговорил так странно, что жена его пристально посмотрела ему в лицо.

Глед положил отысканный сверток и кипу старых газет и подошел к Регу.

– Я не могу найти то, что просит Таймон. Минут через пять я снова примусь за поиски.

– Я подожду, – ответил Рег.

Глед сел, вытянул ноги и закурил, нервное возбуждение перешло в болтливость, он засыпал Рега вопросами, имеющими между собой очень сомнительную связь.

– Что пишет Таймон? – спросил Рег, переходя к цели. – Я поверил только его клятвенному заявлению, что игра стоит свеч. Он заинтриговал меня и умолчал о сущности, честно сообщив, что боится с моей стороны резкой и преждевременной критики. Я выехал позабыться, а может быть и получить неожиданную награду. Скучно ездить наверняка.

– Его планы? – Глед натянуто рассмеялся; бессознательное толкало доктора воплотить в словах то, что в размахе его ревнивой воли подлежало истреблению. – Фейерверк роскоши и благодеяний. Чудесная местность, два или три отеля, одушевленных электричеством до последнего кирпича; мраморные бассейны, концерты – одним словом, выздоравливающий, по его идее, должен окунуться в самую радостную негу жизни. Он превратится в своеобразный музыкальный инструмент, из которого Таймон, электричество, солнце и Теллури будут извлекать обаятельные мелодии.

– Теллури, – повторил Рег, – я не знаю такого слова.

– Да, вы не переведете его. – Глед бросил невольный взгляд на белое пятно второго письма Таймона; казалось, оно жгло самый воздух, делая его тяжелым и душным. – Таймон запомнил это слово в глубине Африки. Значение его неизвестно. Анализ минеральной воды, о которой идет речь, показал присутствие в ее составе неизвестного элемента. Темное слово и темное вещество почему-то стали нераздельны в воображении Таймона. «Пусть будет Теллури», – сказал он. Я не имел причины протестовать.

– Я слушаю, – сказал Рег.

– Таймон открыл Теллури, заблудившись, миль за сто от Южного порта, во время одной экскурсии. Источник окружен хаосом болот и лесов; доступ к нему возможен только с помощью подробного описания дороги к этому месту. Таймон составлял это описание по мере того, как возвращался назад. Он тщательный человек. Конечно, за этим вы и приехали.

– Да. Он заявил, что им забыт путь к богатству и уважению.

– Да? – Глед щелкнул пальцами. – Я попытаюсь передать вам личные впечатления Таймона.

Он сыпал быстрыми, тщательно округленными фразами. Его сухой голос напоминал стук палок. Но Рег отметил в этом сухом перечне примет Теллури все, что принадлежит действительно зрению и восторгу.

Кабинет Гледа рассыпался: Рег видел тусклые, желтые холмы в кайме черных скал кварца; пятнами серо-зеленого мха пестрили их углубления и расщелины; фиолетовая поросль мелких цветов пустыни взбегала из низин на эти голые возвышения, теряясь бесчисленными оттенками в сухом желтом блеске; холмы напоминали золотые шары, брошенные в складки цветного бархата; там, где фиолетовые ковры окружали скалы, кривились серые стволы неизвестных деревьев с горизонтально вытянутыми огромными листьями; в совершенной тишине воздуха листья, казалось, стремительно и напряженно рвались к далекому горизонту, притягиваемые неизвестной силой, придавая пейзажу выражение окаменевшего в зените своем усилия. Стальной цвет неба носил тревожный оттенок бурной погоды; запах нагретой земли мешался с запахом хрупких водянистых стеблей и венчиков, полных дремоты. Из выпуклой горбины скалы, сиявшей тенистой холодной трещиной, лился широкий поток воды совершенно синего цвета, русло его блестело сквозь влагу голубоватыми камнями; вода уходила в природный, неправильный водоем, где тень выступивших к середине краев почвы делала синеву черной, подобно жидкой смоле в голубом свете.

Все это было чуждо земле, приближая воображение к пейзажам иной планеты. Глед смолк. Рег с сожалением покачал головой.

– Пожалуй, для больницы это было бы чересчур. Мне жаль этих мелких, фиолетовых цветов и странных деревьев, обреченных на службу параличам. А действие?

– Он говорит, что выкупался из любопытства, а затем выкупался второй раз, так как жгучий холод источника превратил его тело из утомленного продолжительным, полуголодным скитаньем в бархатное и легкое. Особенно Таймон подчеркивает влияние Теллури на душевное состояние. «Я был счастлив, – говорил он с действительным изумлением, – я беспричинно хохотал, радуясь таким пустякам, как то, что палец мой способен сгибаться и разгибаться. Я был, пожалуй, даже нетрезв и сразу открыл вокруг себя массу интересных вещей. Я почувствовал, например, вечную древность пыли, испачкавшей мои сапоги, а увидев попугая, понял, что существо это стыдится своей наружности, у него серая душа». Рассказ его был сбивчив, он, видимо, не нуждался тогда в закреплении своих воспоминаний.

Глед замолчал и услышал треск каменных углей; не выдержав, он потянулся к второму письму Таймона.

– Я передам его жене. – Глед встал. – Прошу вас, подождите моего возвращения.

В гостиной он нажал кнопку электрической люстры, вздохнул и, презирая себя, разорвал конверт. Сомнительная радость наступившего выяснения так потрясла его, что он должен был сесть.

– Я сожгу бумаги Таймона, – сказал он, – если хоть одна строка...

Незначительность этого решения осталась тайной для пылающей головы Гледа. Он стал читать, и краска медленно залила его трясущееся лицо. Глед встал, не зная, прочел он письмо или нет, или ему только показалось, что на свете могут быть такие живительные, прекрасные строки. Он снова устремил глаза на драгоценные буквы, поднял голову и долго, не шевелясь, рассматривал в лепном углу потолка маленькую колеблющуюся паутину.

Таймон писал о чуме. Он проклинал почту, карантин и чуму. Все это было несомненно важно для Гледа, потому что именно вслед за этим Таймон выразил смирение. «Я надоел вам своей любовью, – увидел доктор буква в букву написанное, – может быть, мы не встретимся. Я был дерзок и жалею об этом. К вам нужно подходить иначе. Или не подходить совсем».

Глед скомкал письмо, но тут же расправил листок юношеским движением.

– Таймон – прекраснейший человек, – сказал он, – любит пофлиртовать. Это хорошо. Почему хорошо? – спросил он себя и рассмеялся. Грудь его дышала быстро и чисто.

Увидев Рега, он понял, что вошел в кабинет. Ему сразу захотелось идти к жене, подарить Регу на память ониксовую пепельницу и остаться с собой. Радость сделала его грузным и переполненным.

– Вот Теллури, – сказал Глед, почти механически протягивая Регу темный пакет и хлопая дверцей шкапа так сильно, что стекла ее зазвенели.

Он говорил суетливо, двигался растерянно. Рег пристально посмотрел в его блестящие глаза, взял сверток и встал.

– Что передать Таймону?

– Все, что хотите. У меня прилив крови к голове. Передайте, что чумы нет, она была, но больше ее не будет.

– Чумы нет? – медленно повторил Рег и вдруг вспомнил второе письмо. Смутная догадка заставила его остаться серьезным. – Да, ее нет, если вы так хотите, – мягко сказал он.

Рег поклонился, вышел, и красный свет лампы остался с доктором.

– Теллури! – сказал Рег, поправляя седло и глядя утомленную лошадь: – Это место годилось бы для молитвы, рыданий или великих замыслов. Но, увы! – там предполагается только шуршать рецептами.

IV. Выдержка с пасьянсом

У спуска к набережной Рег проехал мимо двух трупов. Теперь он не удивлялся им, и они постепенно теряли для него свою обязательную зловещесть; более чем когда-либо, Рег убеждался, что камень и труп человека – скучные и даже очень простые вещи. На самом спуске Рег заметил еще одного; этот лежал боком, лицом к гавани, с открытым ртом и рваными калошами на босую ногу. Электрический фонарь дока чертил за его спиной кургузую тень.

Пустынные молы уныло протягивали в тьму залива свои каменные глаголи. Груды залежавшегося товара, окутанные брезентами, тянулись по набережной; ряды их прерывались кое-где треугольниками пустых бочек, пирамидами антрацита и паровыми «ранами». Рег миновал склады, пакгаузы и выехал к свободному пространству набережной.

Здесь он остановился, темный, на темной лошади, напоминая собой в неподвижном электрическом свете конную статую, и сообразил, что попасть в гавань – еще не значит уехать. Его положение могло измениться только благодаря случаю.

– Я уеду, – сказал Рег лошадиной холке, перебирая ее холодными от усталости пальцами. – Как – это другое дело. На первый раз возьмем за бока шаланду².

Шагах в десяти, покачиваясь и скрипя, чернела железная шаланда, род барки, судно, служащее буксирным целям. На корме сидел человек в войлочной шапке и рваном жилете; босые, грязные ноги его гулко ударяли в обшивку судна. Когда Рег подъехал к воде, человек этот заломил руки и сочно зевнул.

– Эй, на шаланде! – сказал Рег.

– Нельзя ли потише? – ответил, продолжая зевать, человек в войлочной шапке. – Чего вам?

– Мне нужен отчаянный человек, – деловито сообщил Рег, закуривая сигару и приготавливаясь к длинному объяснению. Дети народа соображают туго и неохотно.

– Отчаянный? – хладнокровно переспросил матрос. – Теперь все отчаянные. Все стали отчаянными. Вы можете набрать их быстрее, чем воды в рот.

– Неужели все?

– Вот именно. Я, как видите, – матрос и даже вахтенный, а впал в полное отчаяние. Сидеть ли мне на шаланде, спрашиваю я вас? Не пойти ли мне в «Кисть винограда»? Я человек с мозгом. Держи вахту, служи – а помрешь с непромоченным горлом... Я – отчаянный.

– Хорошо, – сказал Рег, вздыхая, так как знал цену много болтающим, – тогда, может быть, вы рискнете?

– Я не спрашиваю – чем, – ковыряя в носу, произнес малый, – так как у меня нет ничего, кроме шкуры. Рискнуть шкурой?

– Да, к этому я и клоню речь.

– Нет, – матрос встряхнул головой. – Это соблазнительно, потому что пахнет, должно быть, хорошими деньгами. Только меня что-то не тянет. Шкуру жалко.

«Если таковы все отчаянные, – подумал Рег, – то их действительно много».

– Прощайте. – Он хотел удалиться, но матрос крикнул:

– А в чем дело, любезнейший?

– Выехать из города.

– Выехать из города! – повторил молодой. – Тогда вы лучше справьтесь в портовом или карантинном управлении, сколько подстрелили таких пассажиров. У них, дьяволов, магазинки, и стреляют они отлично. Берете вы шляпку, хорошо. Едете, все отлично. У маяка на вас

---

² Шаланда – небольшое парусное рыболовное судно.

побрызгают рефлектором с карантинного крейсера, а потом, налюбовавшись, саданут залпом и возьмут на буксир. Только повезут-то вас обратно, да и к тому же слегка тепленького.

Рег молчал.

– Есть один, – продолжал матрос, – про него говорят, что он что-то такое, но туманно. Теперь разные слухи... Понаведайтесь, – может, он и в самом деле. Как поедете этак вот дальше по набережной, то увидите черный домик с голубятнями по бокам. А сбоку, ближе сюда, зубы торчат, – это у него был каменный забор, да рассыпался. Домик купил нынче Хенсур, вот он что-то такое. Я не знаю, узнайте вы.

– Хорошо, – сказал Рег, – вот вам на «Кисть винограда».

Он размахнулся и, пока матрос ловил золотую монету, брякнувшую о палубу, – успел отъехать с десятков сажен в указанном направлении. Долгая ночь томила его; моментами он засыпал в седле; секундный сон делал мозг тяжелым как ртуть. Это была та степень усталости, когда человек становится сознательно равнодушным ко всему, кроме постели.

Та часть гавани, в которой он проезжал теперь, была почти не освещена; угольные склады и нефтяные цистерны громоздились в угрюмой черноте теней; пахло копотью и железом. В стороне от шоссе Рег заметил, действительно, нечто похожее на обнаженную челюсть; неровные глыбы известняка вытянулись по одной линии, указывая границы некогда огороженного места. Сквозь мрак, повыше камней, светилась четырехугольная занавеска маленького окна.

– Должно быть, это, – сказал Рег, усиливаясь рассмотреть голубятни. Более густые пятна тьмы привлекли его внимание, он подъехал к ним и различил два столба с круглыми голубятнями на верху, напоминающими ветряные мельницы без крыльев.

Слишком усталый для того, чтобы медлить, Рег спешился, привязал лошадь к ближайшему столбу и, пошатываясь на онемевших ногах, подошел к двери. Стук его был тихим и быстрым.

– Войдите! – глухо отозвалось внутри.

Рег, толкнув дверь, попал в маленькую, ярко освещенную комнату.

Обстановка этого помещения, очень несложная, была все-таки несколько затейлива для того, чтобы он, в промежутке между входом и первым сказанным словом, успел запечатлеть ее всю. В глаза бросились цветы, канарейки, морские раковины, повеяло неприхотливым уютом. За столом, покрытым вязаной скатертью, сидел лысый человек небольшого роста, раскладывая пасьянс. Пестрая бумазейная рубашка составляла, кажется, весь его костюм, так как ноги были обернуты шерстяным одеялом и поставлены в корзину с подушкой.

– Доброй ночи, – сказал Рег.

– Можно и так, – проговорил Хенсур, почесывая небритую седую шею и не обращая на Рега ни малейшего внимания, – валета кладу на даму. Черный валет. Место освобождается. Тогда мы потянем десятку, а на нее девятку, а на нее восьмерку, а на нее... Вышел! – дико закричал он, подсакивая. – Чужало мое сердце!

Рука его, победоносно рассекавшая воздух пиковым королем, заколебалась и нерешительно опустилась. Физиономия Хенсура выразила тяжелую подавленность.

– Не вышел, – злобно проговорил Хенсур, – дело привычное... Что скажете, как вас?

Последнее относилось к Регу. Он подошел к столу, взял стул и сел на него верхом, желая попасть в тон. Это произвело благоприятное впечатление; Хенсур перестал бегать глазами и устремил их в потолок, подперев голову кулаком.

Рег, быстро осмотрев хозяина, понял, что перед ним кремень. Старик был лыс, худ, щупл и костист, как голодный морской баклан; в глазах его, окруженных тысячами морщин, поблескивало нечто живое, ребяческое и хитрое. Слушая, он имел привычку оттягивать нижнюю губу так, что сверкали удивительные, меловой белизны, зубы.

– В городе чума, – сказал Рег беззаботным голосом.

– Наплевать, – отрезал Хенсур.

Воцарилось молчание.

– Вы – Хенсур? – резко спросил Рег.

– Я – Хенсур. Только мне плевать на то, что я Хенсур.

– Правда?

– Да. Правда. – Старик сердито укрепил голову на своем маленьком кулаке, продолжая смотреть в пространство.

«У всякого своя манера веселиться», – подумал Рег, мало обескураженный таким приемом.

– Опасно оставаться в городе, – значительно произнес он.

– Наплевать.

– Что вы думаете насчет этого?

Хенсур крикнул.

– Кому не наплевать, пусть сидит, – решительно заявил он, – а на остальных мне наплевать.

Рег поморщился. Что-то похожее на усмешку мелькнуло в углах глаз Хенсура.

– Я хочу уехать, – сказал Рег.

К его удивлению, старик на этот раз промолчал, положил локти на стол и стал потирать переносицу большим пальцем, рассматривая Рега деловито и пристально. Рег скрипнул стулом; игра эта начинала казаться ему мало забавной.

– Сколько? – выпалил Хенсур.

«Ключуло», – мысленно сказал Рег. Вопрос Хенсура относился, по-видимому, к деньгам.

– Пятьдесят золотых большого калибра. Кроме того, у голубятни привязана лошадь. Она – ваша.

Хенсур ласково посмотрел на Рега, и тот заметил, что небритые щеки старика окрасились слабым румянцем. Должно быть, он не ожидал такой цифры.

– Вы думаете – я поеду с вами? – злобно процедил Хенсур, тасуя колоду.

– Фига с маслом, молодой человек. Я ранен в обе ноги. Меня подстрелили три ночи тому назад, но мне на это наплевать. Вы уедете, или я более не Хенсур. Вы кто? – неожиданно спросил он, подсакивая. – Принц, герцог, трубочист, банкир?

– Я – Рег, – сказал путешественник.

– Рег! Рег! – пробормотал Хенсур. – Рег, молодой человек из четырех³ букв. Спать хотите? Если не хотите, то наплевать.

– Хочу. Я уже сплю.

– Вы, может быть, хотите и есть? – подозрительно спросил Хенсур. – А? Так вы поедете завтра ночью. Изотта! – закричал он с непонятным для Рега воодушевлением, – эй, ты, девчонка!

Рег оглянулся. На пороге двери, морщась от резкого крика старика, стояла девушка лет двадцати, двадцати двух; решительные большие глаза ее скользнули по лицу Рега с улыбкой нетерпеливой досады.

– Не ори! – сказала она, пряча маленькие босые ноги под клетчатый подол юбки. – Или я отниму карты.

Хенсур подмигнул Регу.

– Вот нынешние девчонки, – сказал он, – а ведь я драл ее за уши лет пятнадцать назад. Впрочем, тогда же онахватила меня зубами в мякоть. Наплевать! Изотта! Уложи и насыть молодца... то бишь, герцога. Они едут завтра.

Рег молча смотрел на девушку, испытывая смутное удовлетворение мужчины. В ее движениях, небольшой статной фигуре, маленьких круглых плечах, смуглом лице и отсутствии

---

³ По старой орфографии слово «Рег» писалось с твердым знаком: Регь. (Прим. ред.)

всякой прически сверкало нечто пленительное. Спутанные темные волосы лежали на голове пышной шапкой. На строгий взгляд она не была красавицей, но оставляла впечатление редкости.

– Завтра? – Девушка, поджав губы, безразлично осмотрела Рега и резким движением застегнула пуговицу бумажной кофты. – Ну... идите сюда.

Он вошел вслед за ней в другую, совсем маленькую комнату. Неуклюжая кровать и несколько деревянных стульев вокруг низенького стола скрашивались старинным комодом, уставленным цветными коробками и яркими помадными банками. Над стулом, обернутая шерстяным платком, висела гитара.

– Садитесь пока, – сказала девушка, – хотите мяса?

– Хочу.

– Вина нет, все выпил старик. – Она бросила это на ходу, исчезая в дверях. И из-за стены Рег услышал: – Черт побери!

– Что герцог? – спросил Хенсур.

Ответа не было. Рег судорожно зевнул, сел на кровать, вытянул ноги и ткнулся головой в подушку. Пестрый круговорот дня взмыл перед ним. Он закрыл глаза, намереваясь отдохнуть, пока не принесли ужин, сунул руку под голову и уснул.

Минут через десять вошла Изотта. В левой руке ее колыхалась тарелка с хлебом и холодной свининой, правая помахивала бутылкой, добытой, вероятно, с боя. Девушка подошла к кровати, нагнулась, пожала плечами, улыбнулась и вышла.

У. Изотта

– Проснитесь!

Кто-то положил руку на плечо Рега; он перешел из небытия к тяжелой, послесонной дремоте, перевернулся на другой бок, глубоко вздохнул и вдруг, осилив момент сознанием, проснулся и сел, протирая заспанные глаза.

Перед ним, с туго обвязанной грудью, в тяжелой, короткой юбке и полусапожках из ременной сырой кожи, стояла девушка. Брови ее слегка хмурились.

– Вы едете? – сухо осведомилась она. – Так проснитесь. Все готово.

– Готов и я, – зевая, сказал Рег, – но вот что объясните вы мне. Кто вывезет меня из этого кладбища?

– Вы поедете со мной. – Изотта бросила на него один из своих беглых взглядов, похожих одновременно на осмотр и вопрос. – Через три часа, если повезет, вам можно будет не беспокоиться.

– Но вам нужно вернуться, – возразил удивленный Рег и прибавил: – вы рискуете из-за денег?

– Деньги? – презрительно дернула головой Изотта. – Деньги, конечно, нужны мне, как и всем. Только из-за одних денег я не проехала бы и двух шагов.

– Объясните, – Рег с любопытством смотрел на девушку, – что же вас привлекает?

– Вам это зачем? – проговорила Изотта. – Вас везут – и кончено.

– Не совсем, – серьезно сказал Рег. – Там, где я всецело завишу от неизвестного мне человека, естественно разузнавать о нем, хоть бы от него самого.

– Вы долго спали... – Изотта села, положив голову на деревянную спинку стула. – Вы спали двадцать часов. С двенадцати до восьми. Теперь восемь. Я не люблю солдат. Их наставили везде. Город окружен морем, а море – солдатами. Они думают, что я взаперти. Когда подстрелили Хенсура, я благополучно проскочила два раза под самым носом у них. Я приезжаю и уезжаю, как будто их нет.

– Уезжайте и не возвращайтесь, – сказал Рег, – здесь чума.

– Чума! – Изотта презрительно улыбнулась. – Это забавно!

Рег не понял ее восклицания. Впрочем, в нем было столько же легкомыслия, сколько и странного убеждения в недоступности своего тела для этой болезни. Он почувствовал голод, потянулся к тарелке с пищей, оставленной на столе, и уничтожил все до последней крошки. Покончив с этим, Рег заметил, что Изотты нет в комнате; она вышла, вероятно, из деликатности.

Открыв дверь, он вошел в соседнее помещение. По-прежнему у стола сидел Хенсур, смакуя что-то из фаянсовой кружки; глаза его, посмеиваясь, встретили Рега прищуренным, тонким взглядом.

– Я выспался и готов ехать, – сказал Рег, опуская на стол маленький золотой сверток. Хенсур прикрыл деньги локтем, забормотал что-то про себя и окончил резким проклятьем, ударив сухим кулаком в стол.

– Я поддену этих стрелков на веревочку! – крикнул он. – Вы не думайте! Дайте только зажечь ногам!

– Кость тронута? – спросил Рег.

– Наплевать! – Хенсур беспокойно заворочался, вспомнив, что Рег ждет. – Изотта! Слушай!

Рег оглянулся. За ним, прислонившись к стене, стояла девушка. Спокойная лень ее фигуры не вязалась с предстоящей опасностью; рискованная прогулка, по-видимому, была для нее чем-то вполне будничным и законным.

– Девчонка, – сказал Хенсур, – выехав за сигнальную мачту, против эллинга⁴, держи к Новому молу. Там проплыви под сваями, остановись в конце и жди, пока крейсер не начнет перемигиваться! Когда ослепнет, гребки до полусмерти, пройди под кормой и взвейся к берегу изо всех сил, шарахнись!

Изотта полузакрыла глаза.

– Я знаю все это наизусть. Рег, идемте.

– Вы поступаете добросовестно, – сказал Рег Хенсуру, – но все-таки мне приятнее было бы ехать с мужчиной.

– Будьте сами мужчиной, – гневно возразила она. – Я вас тоже не знаю.

Задетый сам, Рег хотел объясниться, но Хенсур перебил его:

– Изотта! Господин герцог боится за вас. Вы – дама.

Девушка вопросительно посмотрела на Рега; скупая улыбка тронула ее небольшой твердый рот, передалась глазам и угасла.

– Идемте, – повторила она.

– Спокойной ночи, Хенсур! – Рег махнул шляпой, переступил порог и, закрывая дверь, подметил в лице старика нечто похожее на одобрение.

Голубятни выступили по бокам, скрылись, лошади возле них не было. Изотта шла впереди, песок быстро хрустел под ее ногами. Рег нагнал ее, на душе у него было смутно и весело. Они пошли рядом, но молча. Под отлогим спуском блестела иссиня-темная полоса воды, обрызганная звездами; сонный прибой лениво шуршал гравием. Горб опрокинутой лодки чернел справа.

– Надо перевернуть, – сказала девушка, хлопая рукой по осмоленному килю. – Возьмите снизу.

Рег пропустил руки между песком и бортом, приподнял судно и опрокинул резким усилием. Изотта подошла ближе, намереваясь помочь; он жестом отстранил ее, схватил шкот и, стиснув зубы, протащил лодку к воде. Спутница его нагнулась, опуская в корму ружье и небольшой узелок.

– Садитесь, я столкну. – Рег перевел дух, вытянул руки и приготовился. Изотта поместилась к рулю. Сдвигая лодку, Рег умерил ее быстрый разбег, вскочил сам и взял весла. Берег медленно отходил прочь; в глубине его, на фоне ломаной черты крыш, громоздились массивные нефтяные цилиндры. Дохнуло нежной сыростью океана, соленой духотой и запахом гниющих отходов.

Изотта держала руль. Лицо ее смутно белело в ровной мгле ночи, представляясь Регу одновременно таинственным, веселым и озабоченным. Лодка, сон бухты, неизвестная девушка и ожидание серьезных препятствий наполнили его томительной остротой темных провалов будущего, он пристально рассматривал их в себе и был спокоен.

– Вы, может быть, боитесь? – медленно спросила Изотта.

– Я? – Рег покачал головой. Вопрос этот показался ему странным. Он бегло восстановил в памяти свое поведение у Хенсура; там не было ничего, способного возбудить подобный вопрос. – Нет, я не боюсь. А вы?

– Я не бегу, – вызывающе сказала Изотта.

– А! – Рег улыбнулся. – Тот, кто боится смерти, боится ее везде?

– Да.

К его удивлению, в голосе ее не было теперь оттенков досады и раздражения, как на берегу. Он объяснил это их взаимной зависимостью.

– Я не жил в Южном порту, – помолчав, сказал он, – я приехал и уезжаю.

– Зачем вы приезжали?

---

⁴ Эллинг – сооружение на берегу для строительства судов.

– По делу.

– По какому делу?

Она спрашивала определенно и твердо, тоном спокойным, но требовательным.

Рег пожал плечами. Эта настойчивость у всякого другого получила бы немедленный мягкий отпор; но девушка, рискующая жизнью ради его безопасности, как будто имела право на некоторую формальную близость.

– Я обаялся, – сказал Рег, – привезти из Южного порта ценные документы и съездил за ними.

– А ваша профессия?

– Скучно заниматься одним. Я делаю все то, где другие отступают по недостатку сообразительности, смелости или воображения. Я – вторая душа людей.

Он посмотрел в стороны. Черный полукруг гавани, намеченный кое-где редкими огнями домов, расширил свои объятия. Под килем глухо заворковала вода – Изотта повернула к набережной. Рег вспомнил Соррона, трупы на улицах, Денсона; вспомнил, что уезжает, и беглое чувство торжества сменилось полной уверенностью.

– Нас могут убить, – сказал он. – Что вы об этом думаете?

– Двумя станет меньше... – Изотта неожиданно рассмеялась странным горловым смехом. – А что?

– У вас есть отец. Он болен.

– Хенсур? Много таких отцов. Я – подкидыш. Старик болен, верно, так ведь у него есть брат. Тот здоров.

– Где мы едем?

– За эллингом. – Изотта перегнулась через борт, рассматривая набережную. – Гребите тише.

Лодка, описав медленный полукруг, стукнулась о толстое бревно деревянного мола. Изпод настила тянуло холодком и плесенью.

– Перейдите на ту сторону. Перебирайтесь по сваям.

Рег встал, нагнулся, чтобы не удариться головой о верхние балки, и, хватаясь за попутные сваи, провел между ними лодку на противоположную сторону. Теперь он понимал план Хенсура. Мол вытянулся по направлению к безлюдной стороне бухты; это был выигрыш, так как, оставляя мол между собой и сторожевым крейсером, можно было проехать у свай незамеченным почти третью часть всего расстояния.

Рег сел, приготавливаясь грести.

– Не торопитесь, – заметила Изотта. – Силы еще понадобятся.

– Да, в самом деле. Давайте-ка мне ружье.

Девушка молча зашевелилась, и приклад штуцера уперся в колени Рега. Он быстро ощутил затвор, магазинную коробку и успокоился.

– Надежный, – проговорил он, – с системой этой я познакомился. Резкий бой.

Вздрыгнув, он отчетливо увидел Изотту с зажмуренными глазами, черные тени свай на озаренной воде и свои руки. Упавший издалика свет поддрожал некоторое время вокруг, перекинулся к набережной и скрылся. Это сильно походило на глаз, мелькнувший в замочной скважине.

Рег бросил ружье.

– Крейсер подмигивает, – сказал он, беззвучно проводя веслами. – Плыдем!

Настил мола потянулся над его головой ровной, высокой линией. Однообразный шепот воды звучал подозрением. Справа блеснули огоньки крейсера.

– Стойте! – Изотта круто поворотила руль. – Молу конец. Сидите пока смирно. Рефлектор делает круг. Вон пятно.

Короткая в ракурсе полоса света, дымясь пронизанными ею испарениями, сверлила далекую отмель; затем прыгнула вверх углом к бухте, взяла направо, потерялась распыленным обрывком в глубине моря, метнулась к гавани, обошла воздушное пространство на высоте двух-трех сажен от лодки и погасла.

– Теперь не жалейте рук – это был сигнал. Посмотрим...

Рег взмахнул веслами. Внимание его ушло целиком к пустынному выступу мола, исчезающего с быстротой камня, брошенного в озеро. Изотта что-то сказала; он не расслышал ее, не понял и оглянулся, хрипя всей грудью от неимоверного напряжения. За плечами бежал к нему тупой свет иллюминаторов, а рядом, внизу, дрожали подводные огни мачтовых фонарей.

В этот напряженный момент инстинкт подсказал Регу нужный маневр. Он поднял весла, инерция стремительного разбега двигала лодку еще некоторое время и иссякла только тогда, когда массивная кривизна кормы крейсера прошла над головой Рега.

– А теперь тише, – сказал он себе, переходя к беззвучным всплескам весел.

Огни крейсера уменьшались, очертания его таяли, делаясь призрачными и смутными, теряя реальную убедительность вооруженного запрета. Рег колебался. Выигрывая на тишине, он терял в скорости, но шумная быстрота движений тоже не представляла выгоды. Крейсер напоминал дальноточного человека, ожидающего, когда предмет зрения окажется в надлежащем расстоянии.

– Гребите! – с недоумением прошептала Изотта.

Рег задержался, не рискуя произвести шум так близко от ушей вахты, но через мгновение ему показалось, что пройденное расстояние служит гарантией. Он взмахнул веслами, замедлил очередной удар, прислушался к безмолвию моря, наклонился, поднял ружье и положил рядом с собой. Тень крика мелькнула в оцепенении тишины.

Рег хрустнул пальцами. В этот момент он испытал знакомое глухое волнение, подобное волнению человека, в уши которому спрятанный где-то оркестр грянул пленительную мелодию.

– Изотта, – сказал Рег, – как вы? Ваше мнение?

– Гребите. – Голос ее вздрогнул, но тотчас же ровные, лениво-быстрые фразы осыпали Рега: – Гребите, пока хватит сил. Не отвечайте. Это бесполезно и утомительно. Что будет.

Невидимый бич, взвизгнув, распорол воздух, тупой удар выстрела сопровождал его коротким предупреждением.

– Еще раз! – жадно сказала девушка. – Слепой тычет пальцами... Ну, еще.

Вторая пуля провизжала неподалеку от ее головы. И вдруг электрические щупальца крейсера показали им обоим друг друга, лодку и воду. Изотта встала, придерживаясь за руль, гневно-веселое, взволнованное и мокрое лицо ее казалось освещенным лицом ночи. Неподалеку, на прямой линии светлой полосы аппарата, Рег увидел карантинную шлюпку; спереди она напоминала корзину, утыканную темными булками.

Он выпустил весла, так как против его двух мчалось восемь, лег на дно и, прежде чем испытать действие штуцера, разрядил полный револьвер, пуская пули вдогонку одна другой; сбоку у самого его локтя, крутясь, залязгала уключина, тронутая ответной пулей. Рег вспомнил Изотту.

– Ложитесь! – быстро сказал он. – И не высовывайтесь.

Она не ответила. Рег сжал потной ладонью холодную шейку штуцера, это было надежнее. Он выстрелил, прицеливаясь как можно тщательнее, три раза и встал. Девушка стиснула его руку, он молча посмотрел в затуманенные глаза Изотты и рассеянно кивнул головой. Это существо держало его все время в состоянии легкого по отношению к ней любопытства, проникнутого инстинктивным уважением.

– Стреляйте! – Изотта ударила каблуком в дно лодки, словно медленность Рега висела над ними в воздухе, угрожая обвалом. – Стреляйте, говорят вам!

Чужие всю жизнь, они были связаны теперь заботой о сохранении жизни, это делало их такими, каковы были они в действительности. Спасаясь вдвоем, трудно сохранить тон незнакомых людей.

Слегка задетый, Рег освободил руку.

– Я не делаю промахов, – уклончиво сказал он. – На шлюпке один. Посмотрим, что он намерен выкинуть.

Шлюпка стояла боком. Смутная солдатская фигура раскачивалась у ее борта, нагибаясь и выкрикивая беспорядочные обрывки фраз.

– Вот ночная птица с перебитым крылом, – сказал Рег, прицеливаясь в растерявшегося матроса. – Чтобы нас оставили наконец в покое...

Он тронул спуск. Выстрел дал положительный результат. По простоте это напоминало тир; все же, когда Рег опускал штуцер, руки его слегка дрожали.

Свет поднялся вверх; растянутый круг его блеснул у карантинной шлюпки и замер на теплых трупах. Рег сосредоточенно греб; он был задумчив и утомлен.

– Берег, – произнесла девушка. – Все кончится через пять минут.

– Что дальше? – спросил Рег.

– Лодку придется бросить. Но это всегда так, иначе ничего не поделаешь.

– Изотта вздохнула. – Эту мне жаль, очень легка и устойчива. Вы тронетесь пешком, Рег, до устья реки, в пяти милях отсюда пароходная пристань.

– А вы?

Она поправила волосы, сдвигая к затылку изношенный кружевной платок.

– Я возвращусь берегом, – сказала она. – Через сутки вам надо исчезнуть. Эта проделка может обойтись дорого.

– Вероятно, – задумчиво согласился Рег. – Однако я держусь того мнения, что люди нерасчетливы или тупы. Продавать жизнь за медный грош, тарелку похлебки и железную койку – это верх бесстыдства, Изотта. Они вправе ожидать всяческих неприятностей.

Девушка засмеялась. Светящийся жук описал над головами плывущих фосфорическую дугу и ткнулся в складки платья Изотты, запятив ее грудь дрожащим зеленоватым кружком. Тотчас же Рег увидел заплывшие пальцы девушки; схватив насекомое, она быстро запутала его волосами около уха. Огненная шпилька выделяла из тьмы половину ее лица, вторая половина осталась затушеванной мраком.

– Зачем вы сделали это? – серьезно спросил Рег.

– Зачем? – Изотта пожала плечами. – Потому что у меня нет драгоценностей. Кто живет только морем, тот ценит и раковины и вот эти волосатые угольки. Они довольно милы, Рег. Правда?

– Я отвечу вам завтра, Изотта. – Рег обернулся. – Поворачивайте, иначе мы сядем на мель.

Киль скрипнул о песок, лодка накренилась и остановилась. Выходя, Рег коснулся ногой берега одновременно с Изоттой, легкий силуэт ее отделился к кустам и замер.

Рег постоял немного, раздумывая, вытащить лодку на сушу или возвратить океану; затем нагнулся, распатал суденышко, заплывшее по килю песком, и оттолкнул его в синюю тьму.

VI. Судьба Теллури

Они прошли в глубь берега, за холмы, остановились, и Рег повернулся к Изотте. Он не видел ее лица, но помнил его таким, каким было оно открыто ему беглым лучом крейсера: сильным и прелестным в своей редкости.

– Когда рассветет, – сказала девушка, – вы тронетесь направо, в обход гор. Теперь слишком темно.

Она села, обхватив колени руками, а Рег вытянулся на спине, сунув под голову ружье. Ночная земля скрылась от его глаз; звездный провал неба осенял тишину великим покоем холодных пространств; глухой запах травы мешался с острым ароматом камеди⁵, тополевой листвы и неизвестных ночных цветов, любовно раскрывших тьме невидимые маленькие немые рты.

Человек исчез в Реге; теперь он был тьмой, звездным блеском, застывшим сознанием земли, всем и ничем. Сон бежал от него, но Рег не торопился уснуть; живой и близкой была для него в этот момент тьма, ее видения неслись перед его глазами – грозный вихрь жизни, полный таинственного, неуловимого ритма.

Видения перешли в сон, но и здесь, не покидая дремлющего сознания, благоухала трава, обвеянная сухим ветром.

Когда рассвет посмотрел в закрытые глаза спящих – Рег приподнялся. Дымчатое на горизонте и ясное в зените небо растопило звездный узор, голубея от брызнувших за холмами прозрачных ливней зари. Неяркие ковры света устилали траву; беглый золотой блеск дрожал в матовой от росы зелени.

Неподалеку, окружив голову кольцом рук, спала Изотта. Рег подошел к ней и тронул девушку за плечо. Прежде чем встать, она потянулась всем телом, вздрагивая от холода.

– Куда идти? – спросил Рег, улыбаясь обычной своей улыбкой – смесью ожидания и замкнутости. – Направо?

– Да. – Изотта подняла руку. – Все дальше, берегом. Но вы можете сократить путь, держась высохшего ручья. Он попадетя через полмили. Мне же – в другую сторону. Прощайте.

Рег отвернулся, рассматривая зеленый мох почвы.

– Торопиться хорошо изредка, – сказал он, выдержав довольно большую паузу, во время которой пришел к легкому и веселому решению, – отчего бы вам не двинуться тоже направо? Я думал об этом еще вчера, под выстрелами.

Рег замолчал и добавил взглядом то, что не поддается резцу слова. Лицо девушки, спокойное по-утреннему, смотрело на него рассеянной ленью глаз, дышащих еще сонным теплом ночи.

– Проще говоря, – продолжал Рег с некоторым нетерпением, – я предлагаю вам пойти со мной. Случай показал мне вас с великолепной стороны – едва ли представится еще такой же другой, в другом месте и с другой женщиной. Сказать, что я вас люблю – много, для этого у меня было мало времени. Но что-то есть. И окончательное, вероятно, случится.

Изотта сдержанно рассмеялась.

– Меня ничто не удерживает. Но вам следовало бы за мной поухаживать. Я – женщина.

– Пустое, – мягко возразил Рег. – Я живу быстро и не в таком теперь положении, чтобы говорить комплименты. Но вы для меня ценны, Изотта. Я не могу упустить вас, мое существование может быть связано только с такой, как вы. Из нас получится хорошая пара.

Он говорил это как будто про себя, негромко, тоном соображения.

---

⁵ Камедь – застывший клейкий сок некоторых деревьев.

– Рег, – серьезно возразила девушка, – все так, но вы ездили не за мной. Цель вашей поездки – у вас в кармане. А я – между прочим; ведь верно?

Удовлетворенный, Рег одобрительно кивнул головой, слова эти понравились ему.

– Я, признаться, забыл об этом, – сказал он, вынимая пакет Таймона. – Эти бумаги могли бы осчастливить сотни тысяч людей. Но посмотрите, как изменится смысл всего происшедшего.

Он поднял руку и швырнул паспорт Теллури цепкой заросли.

– Там они и сгниют. Я принес вам в подарок великолепный модный курорт, с источником восхитительного синего цвета, может быть, единственным на земле. Здесь были гостиницы, пансионы и множество людей, вылеченных от самых разнообразных болезней.

– Поднимите! – изумленно сказала девушка. – Потом вы будете жалеть об этом.

– Нет, – с досадой возразил Рег, – я был мальчиком очень давно. Отправитесь вы со мной или нет – бумаги останутся там, куда я зашвырнул их. Я не хочу всю жизнь обонять больницу и размышлять о катарах желудка. Воспоминание о воздвигнутых мной нечистых зданиях преследовало бы меня до гробовой доски. Я равнодушен к людям. В этом – мое холодное счастье. Чего доброго, несколько господ, пораженных желтухой, сложатся, поставят на газоне мой бюст и вздумают позавтракать под его тенью. Ведь у меня есть своя жизнь – пропитывать ее запахом лечебницы я не имею желания. К тому же, если мы почувствуем друг к другу любовь, хорошее удовольствие – постоянно связывать ее в уме с ядом отличной коллекции болезней, собранных в один твердый узел, – нет, я остаюсь при своем. Вы не можете повторить свой упрек, я изменил смысл этой тревожной ночи, идемте, небезопасно оставаться вблизи от бухты.

Девушка протянула руку и сбросила стебелек, приставший к рукаву Рега.

– Я слышу вас как будто издалека, – задумчиво проговорила она. – Это потому, что вы мне еще далеки. Пойдемте. С каждым шагом мы будем ближе.

Рег взял ее за руку с нежностью в душе, а не в жесте, потому что еще чуждой была ему эта женщина, и крепко сжал ее пальцы, улыбаясь простоте жизни, медленно высвобождаемой им из-под обрушившихся на нее загадок.

– Хенсур будет ждать и раскладывать без конца пасьянс! – Изотта громко расхохоталась. – Ну... Я напишу ему. В городе чума, Рег, а меня мучает любопытство. Я хочу смотреть на вас дальше, в разных местах. Но я уйду в ту же минуту, как только... Если вы лжете о себе.

– Вы не будете жаловаться. – Рег положил руку на ее маленькое, твердое плечо. – Ведь я говорю то, что думаю...

– Пойдите. – Она пригладила немного растрепавшиеся волосы Рега быстрым движением, выразившим доверие и волнение. – Ну, вот. Но мне жаль все-таки старика, представьте себя на его месте!

– Представляю, – сказал Рег. – Что же? Лицо его источено жизнью, как старый шкаф – червями. Шкап видел много посуды, Хенсур видел много жизни. Я и так всю жизнь дразню смерть. А если пристукнет – кончусь без сожаления и отчаяния, вежливо и прилично, не унижаясь до бессильных попыток разглядеть темную пустоту.

Океан тонул в зное. Красный песок берега, обрезанный к материку тенистой чертой леса, сиял гладкой, лучистой плоскостью, исчезавшей в крутом повороте мыса. На ровной его поверхности вытянулись зигзагом два следа: крупный и маленький. В начале своего появления они держались друг от друга на расстоянии около десяти футов; дальше, к мысу, промежуток этот суживался наподобие острия шпаги. На повороте, за волнистым хребтом каменных валунов, следы, перебиваясь, уничтожили последнюю, крошечную дистанцию и исчезли в сухом блеске камней.